

Час.-08.02.2012

Ксения ЗАГОРОВСКАЯ
Комиссарское дело

Известный в Латвии правозащитник и экс-министр интеграции Нил Муйжниекс недавно избран комиссаром Совета Европы по правам человека. Представитель нашей страны станет третьим по счету комиссаром в этой гуманитарной области, 1 апреля сменив на этом посту шведа Томаса Хаммарбека. Чем он будет заниматься на этом посту, что выиграют от этого (и выиграют ли?) латвийские граждане и неграждане, об этом господина Муйжниекса расспросили на передаче «Действующие лица» Латвийского радио – 4.

«Юлия Тимошенко пусть меня не ждет»

– Сколько вас, комиссаров, в Совете Европы?

– Всего один. Не надо путать: это не Евросоюз, а Совет Европы. В него входят 47 стран, в том числе Россия, Турция, весь Кавказ, Исландия, Норвегия... Эта организация, которая находится в Страсбурге, занимается исключительно правами человека.

– Как такая высокая должность досталась представителю Латвии?

– Я был кандидатом на этот пост шесть лет назад, но тогда не получилось. А в этот раз меня рекомендовало латвийское государство, помогли друзья и коллеги. Сыграл свою роль опыт работы министром интеграции, в общественных организациях, а также то, что я два года был экспертом комиссии по борьбе с нетерпимостью Евросоюза. Важно и то, что я знаю и английский, и французский – оба официальных языка Совета Европы. И к тому же на этот раз я был единственным кандидатом из Восточной Европы.

– Чем вы будете заниматься на этом посту?

– Следить за соблюдением прав человека. При этом важно не дублировать работу других структур. Своим приоритетом я выбрал права детей, женщин и пожилых людей, потому что нет организации, которая бы занималась этими вопросами, а в ситуации кризиса положение малозащищенных людей заметно ухудшилась.

– А ваши решения обязательны к исполнению? Или Совет Европы больше похож на дискуссионный клуб: поговорили и разошлись?

– Еврокомиссар – это советник и эксперт, а не критик. Он может повлиять на ситуацию, ведя профессиональный диалог с парламентами и правительствами. А вот обязательными для исполнения являются решения Европейского суда по правам человека, который рассматривает жалобы из разных стран.

– Кто и на что жалуется в Европейский суд?

– Тут лидируют Италия, Испания, Украина, Россия, Турция – из этих пяти стран поступает 60 процентов всех жалоб. Прежде всего они касаются долгих сроков рассмотрения судебных дел, ситуации в местах заключения, пыток. Есть и специфические вопросы, касающиеся журналистов, мер по борьбе с терроризмом. Как правило, большое количество жалоб связано со слабостью судебной системы в той или иной стране.

– Но ведь и сам Европейский суд дела рассматривает очень долго...

– Да. Вот такой парадокс! Он стал жертвой собственной популярности и не справляется с возросшим количеством жалоб. Поэтому сейчас и идет речь о реформировании европейской судебной системы.

– А если вам пожалуется Юлия Тимошенко, как будете реагировать?

– Комиссар не занимается индивидуальными жалобами.

«Приеду в Латвию с визитом»

– На что чаще всего жалуются латвийцы?

– Наша особенность – дела, связанные с негражданством, в том числе известное дело Андреевой, указавшее на дискриминацию по принципу отсутствия гражданства. Были и политические дела – Кононова, Сысоева.

Но чаще всего претензии такие же, как в целом у европейцев, – тянущиеся годами судебные процессы, а также положение в местах заключения. Скоро будет опубликован доклад о местах заключений, который неизбежно привлечет внимание журналистов и общественности.

– Что вы, как комиссар, собираетесь сделать для Латвии?

– Тут не может быть двойных стандартов – ко всем странам я должен относиться одинаково. Пока я не могу сказать о своих приоритетах в отношении Латвии, потому что не знаю, когда состоится мой визит сюда. За шесть лет раз или два обязательно приеду.

Но вряд ли моим приоритетом будут национальные вопросы, потому что они только в некотором отношении касаются прав человека, а носят скорее политический характер.

– Собираетесь ли решать проблему негражданства?

– Все еврокомиссары советовали Латвии предоставить негражданам право голоса на выборах самоуправлений. Но тут критерии ясны не до конца, это скорее сфера политики. А вот в отношении детей неграждан, тот тут все очевидно – европейские нормы предписывают действовать в интересах ребенка.

То, что спустя 20 лет независимости в стране продолжают рождаться неграждане, – это абсурд!

То же касается запретов на профессии. Почему нотариусом может быть только гражданин? Насколько обосновано государственное регулирование владением латышским (или другим) языком в частном секторе? Оправданием для вмешательства государства в бизнес могут быть только общественные интересы или соображения безопасности, в противном случае нарушается право на частную жизнь. Тут есть о чем говорить.

– Интересно, что омбудсмен тоже на первое место ставил проблему соблюдения прав заключенных, психически больных. Но разве негражданство менее актуально?

– В первую очередь надо помогать тем, кто страдает физически. Здравоохранение, например, в местах заключения ужасно, условия содержания часто тоже.

В поисках общего языка

– Латвия живет ожиданием референдума о предоставлении русскому языку статуса второго государственного. Общество расколото. Нет ли в происходящем вашей вины – как бывшего министра интеграции?

– Референдум комментировать не хочу... Я буду голосовать за один госязык, и мне жаль, что спустя 20 лет задаются вопросы о двух языках и нулевом варианте гражданства, на которые, как мне казалось, мы уже давно ответили. Это результат ошибок, в том числе и моих.

К сожалению, в стране нет политики интеграции. Наша политическая элита не знает, чего хочет. Она расколота, латышские политики не доверяют русским.

Но ведь в обществе нет такой поляризации, как в политике и СМИ, мы живем и работаем вместе достаточно дружно, так что это обострение отчасти искусственное.

– За проведение референдума подписались почти 200 тысяч, вряд ли это можно объяснить только влиянием СМИ...

– Многие поставили свою подпись за то, чтобы русский язык и культура были приняты как часть латвийского общества. Да, ощущение дискриминации работает против интеграции. Но политики используют это в своих целях. Мы все знаем, кто такие Линдерман и Осипов и что без поддержки «Центра согласия» вряд ли были достигнуты такие результаты, а эта партия включилась в процесс после краха переговоров о правительстве.

– Какова, на ваш взгляд, главная ошибка интеграции?

– Что так долго тянули с натурализацией. За это время многие уже успели привыкнуть к статусу неграждан. Результаты школьной реформы, как сейчас видно, хорошие, но при ее подготовке не было достаточного диалога.

Знание государственного языка в любой стране важно для конкурентоспособности на рынке труда, участия в общественной жизни. Но как показывают исследования, латышский язык и культура – недостаточная основа для интеграции.

– Возможно ли введение русского языка как официального в местах компактного проживания русскоязычного населения?

– Все зависит от спроса. Надо руководствоваться Рамочной конвенцией по правам человека, которую Латвия, хоть и с оговорками, ратифицировала, и рекомендациями экспертов. В самоуправлениях гибко подходят к использованию языка, а законодательство в этой сфере намного более жесткое. И надо разобраться с этими противоречиями между практикой и законодательством. Но, думаю, сейчас не слишком подходящее время для обсуждения этих вопросов. К ним стоит вернуться, когда страсти улягутся.

– Что же нужно сделать, чтобы преодолеть разобщенность?

– Развивать контакты и сотрудничество. Их надо стимулировать, в том числе и материально.

В Латвии существуют и русские, и польские школы, но важно, чтобы между ними были контакты. Мы провели анализ проектов Фонда интеграции и выяснили, что в основном они носят характер монолога: латыши говорят с латышами, а русские – с русскими. А основа интеграции – диалог.

– Но ведь в Европе говорят, что политика мультикультурализма потерпела крах.

– Смотря что понимать под мультикультурализмом... Если речь идет о том, что каждое нацменьшинство, развивая свою культуру, живет само по себе, без контактов с другими народами, то я тоже против такого мультикультурализма. В Совете Европы принято говорить об интеркультурализме, основанном на контактах и сотрудничестве между представителями разных народов.

Если 10 лет назад все только говорили о правах нацменьшинств, то сейчас речь идет в первую очередь об интеграции.

Идет поиск того, что объединяет общество, поиск общего языка – в прямом и переносном смысле слова.

<http://www.chas.lv/politics/theme/government/19598-komissarskoe-delo.html>